

Казачья сказка «Казак и басурманин»

Самайкин Максим, 5 класс

Жил был Казак. Позвал его атаман и говорит: «Иди за тридевять земель в тридесятое царство и найди лошадь с золотой гривой. Это будет сделать нелегко. Тебе надо будет одолеть Басурманина лютого, и конь станет твоим».

Попрощался Казак с друзьями и отправился в путь. Нескоро и недолго шёл он. Идёт ему навстречу старец и говорит: «Дай водицы испить, жажда мучает». Казак отвечает: «На тебе водицы». Напившись, старец поблагодарил Казака и говорит: «На тебе платочек с кубанской землицей, если помощь понадобится, кинь его через левое плечо, и к тебе придёт войско казачье».

И пошёл Казак за тридевять земель в тридесятое царство, и видит он: на высокой горе стоит лошадь. Только подошёл он к коню с золотой гривой, как из-за спины налетел лютый Басурманин со своим войском. Басурманин говорит: «Это мой конь, давай за коня сразимся!». А Казак видит, что силы неравны и вспомнил, что старец дал платочек с землёй, и кинул его через левое плечо. И тут прибыло войско казачье, и началась битва. Долго или коротко длилось сражение за коня с золотой гривой, и под конец битвы Казак победил супостата с его войском, а лютый Басурманин, падая на землю, сказал: «Лошадь с золотой гривой твоя. Договор дороже денег».

И отправился Казак с товарищами на свою Родину. Нет лучше Родины своей.

Библиографический список

1. Библиотека русского фольклора. Сказки. – М. : Издательство «Советская Россия», 1988.
2. Всё – обо всём // Школьная энциклопедия: история России IX–XVII века. М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1980.
3. Русские народные сказки. – М. : Издательство «Художественная литература», 1979.
4. Прохоров А. М. // Большая Советская Энциклопедия. – М. : Издательство «Просвещение», 1989. – 3-е издание.
5. Читаем, учимся, играем // Сборник сценариев для библиотек. – Выпуск № 3. – М. : Издательство «Либирей-Бибиформ», 1999.

© Е. С. Долгополова.

УДК 82.09

ОСОБЕННОСТИ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ФИЛОСОФСКИХ ПОВЕСТЯХ

Н. А. Лугинова, Т. Н. Пермякова
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

THE ARCHETYPE'S FEATURES IN PHILOSOPHICAL TALES

N. A. Luginova, T. N. Permyakova
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosova,
Yakutsk, the Republic of Sakha (Yakutia), Russia

Summary. This article describes the features of archetypal images in N. A. Luginov's tales. Nikolai Luginov is well known as author of the great novel about Chingis-han, but earlier he was famous in Yakut literature as a tale's author. In this article we'll try to show how author's symbols and archetypes were developed in the artistic conception of man and reality in his deep philosophical tales "Kustuk", "Suor", "Serge".

Key words: archetype; artistic conception of man and reality; myth; character; nationality; folklore; national vision; symbols.

У каждого писателя существует своя художественная концепция человека и действительности, которая является отражённым и созданным им миром. Ав-

торская художественная концепция человека и действительности проявляется не только на содержательном уровне, но и на формальном, т. е. на уровне поэтики произведения. В поэтике мы особенно хотим обратить внимание на архетипические образы, которые помогают выявить оригинальную художественную концепцию человека и действительности в философских повестях Н. Лугинова.

Архетип – образ из области бессознательного, вызванный памятью о древней жизни народа. «Коллективное бессознательное впитывает психологический опыт человека, длящийся многие века. <...> Они хранят память о прошлом, т. е. архетипическую память» [1; 31]. В памяти народа, «в её более глубоких слоях хранятся старые наслоения, прообразы, архаические врождённые структуры древнейшего опыта человечества, обеспечивающие априорную готовность к восприятию и осмыслению мира» [2; 107]. Такую особенность и способность психики человека начал исследовать К. Г. Юнг, затем понятие архетипа становится необходимым инструментом исследования фольклористов и литературоведов.

Источником архетипов называют миф, образы которого очень часто переходят и в художественную литературу. В мифологии отобразилось сознание древнего народа, его видение мира: «философия как бы варилась, зрела в традициях народной мудрости» [2; 116]. Г. Д. Гачев считает, что своеобразие национального видения своими корнями восходит из глубин веков, и изучение народного творчества является благодатным материалом. В свою очередь, система таких образов «составляет национальный образ – модель мира» [3; 47]. Общечеловеческое воспринимается через национальное: «форма индивидуальной народной жизни заключает в себе общечеловеческое, мировое содержание» [4; 37].

Значит, обращение к архетипическим образам в литературе является попыткой заглянуть в мир философских воззрений народа, который он сохранил на протяжении столетий. Но увлечённость современных исследователей архетипикой имеет также двустороннее значение: «Ориентированность на поиски архетипических начал в романе XX века связана с разочарованием в историзме, в идее прогресса и с желанием «выйти» за пределы конкретного исторического времени». Но вместе с тем иметь возможность «доказать существование вечных, неизменных начал в бессознательных сферах человеческой психики, зарождающихся в праистории и повторяющихся в ходе ее в виде архетипических ситуаций, состояний, образов, мотивов» [1, с. 34]. Значит, писатели в своих архетипических образах воплощают национальную самобытность мышления народа и их общечеловеческие сходства.

Собака, ворон и сэргэ стали главными героями повестей Н. А. Лугинова. Очеловечивание в литературе считается одной из самых загадочных и ещё неисследованных проблем литературоведения. Оно в основном связано с мифологическим сознанием самого народа. В древней мифологии якутов всё живое и неживое имело свой иччи (душу). Философ А. Г. Новиков считает, что, по якутской мифологии, души имели ранги, предметы имели одну душу, животные и растения – две души, человек – три души: Буор кут (материя), Салгын кут (информация), Ийэ кут (мышление) [2, с. 32]. «Верование в иччи позволяет саха жить в гармонии с природой и сегодня существуют люди, которые вступают в контакт с иччи» [2, с. 33]. Следовательно, Н. А. Лугинов имеет тонкую натуру и особую психику, он чувствует материальный, животный мир, входит в область бессознательного и архаического прошлого. Собака и ворон – древнейшие спутники человека вообще и якута, как охотника, в частности. Ведь у якутов считается, что ворон всегда радуется рождению у них сына. Собака считается первым зверем, которого приручил человек. А по выражению А. Экзюпери, человек «ответственен за тех, кого он приручил». И потому в повести Н. А. Лугинова встреча собаки и волка – это встреча человеческого друга с дикой природой. Писатель говорит, что они внешне похожи и чувствуют своё родство, но они – враги. Кустук должен показать своё превосходство, умение, мастерство, которое он перенял у людей. Но, однако, собака в народном творчестве, оказывается, «наиболее часто используется в отрицательных образах и сравнениях» [5, с. 48]. Это, наверное, связано с тем, что она не даёт обилия пищи, мяса, одежды, как рогатый скот, и в хозяйстве от неё

мало пользы, в противовес лошади и быкам. Но тут и свои нюансы: «Презрительное отношение к собаке не встречается у якутов, занимающихся охотой, по мере приближения к берегам Ледовитого океана собака становится единственным и незаменимым домашним животным, она – главная опора в хозяйстве. Здесь жители были убеждены, что охотничье-ездовая собака – умнее всех. Хозяин любит её больше своего семейства, уверен в ней, знает, что она спасёт его от смерти, не выдаст хищнику. Такую собаку не бьют, дома она располагается возле хозяина. Житель тундры, встречаясь со своим соседом, всегда осведомляется о состоянии его собак» [5, с. 49]. Собаку северяне воспринимают как члена семьи. Байбал, жестоко обращаясь со своими собаками, значит, как современный человек, отошёл от вековых традиций народа. С другой стороны, в этом мы видим прежде всего его несвободу, загнанного обстоятельствами жизни человека, срывающего свою злость на собаках.

Древние люди поклонялись животным и птицам, своё происхождение связывали с ними. Ворон также был тотемом некоторых родов. «Для некоторых народностей Севера ворон является почитаемой птицей. Например, у эскимосов ворон символизирует древность и мудрость. Его нельзя убивать. Долго живших в одних и тех же местах воронов эскимосы хорошо запоминали и давали им даже имена. В их сказках ворон выступает то мудрецом, дающим окружающим мудрые советы, то могущественным волшебником, награждающим человека счастьем, то хитрецом, наказывающим обидчика или глупца» [5, с. 56]. Как образ-символ, Ворон сопоставим в произведениях Н. А. Лугинова с образом мудрого старика. Как архетип он близок мировосприятию народа. Эти повести Н. А. Лугинов написал, живя на Севере, и это показывает, что Север определённым образом повлиял и на творчество и психологию писателя, на выбор им тем и образов.

Ворон, оказывается, как и собака, также привязан к человеку, в котором признаёт хозяина природы. Вместе с ним вся природа радуется рождению нового человека, они ждут Хозяина тайги. «После того, что мы сделали с природой, убеждаемся, что каждое явление природы заслуживает, чтобы к нему относились как одухотворённому и одушевлённому существу» [2, с. 33]. Человек ответственен за весь мир, такова концепция Николая Лугинова.

Мужчина является архетипическим образом, сильно идеализированным и воспетым в якутском фольклоре. Именно в нём видели продолжение рода. В патриархальном мире, господствовавшем у якутского народа в течение многих столетий, мужчина был главой рода, хозяином дома, семьи, земли, богатства, он – Иччи всей природы, он – всевластный владыка. В произведениях Н. А. Лугинова не только главные герои мужчины, но и во второстепенных образах женщины встречаются нечасто. В повести «Ворон» все радуются новому человеку, потому что он мужчина, охотник. Ворон из-за этого волнуется больше всех: «Лишь бы не девочка, только б мальчик был!» [6, с. 38]. «Много, много уж лет не появлялось настоящего Иччи, много надежд пронеслось мимо них, как льдины по половодной реке. Рождались мальчишки, Ворон их всех помнит, но либо уходили они и, чуял он, гибли где-то далеко, прощальным вздохом, шорохом печальным полня тайгу, либо оставались, но уже не теми, что были прежде, полу-чужие, опоённые чужим и разучившиеся слышать и видеть Закон, и тогда год от году свирепели пожары, вырубались лучшие леса, задыхались реки и редело, разбегалось зверьё, в себя, в молчанье погружалась тайга...» [6; 53]. Мужчина – творец жизни, и с ним автор связывает свою надежду на лучшее будущее. Но между тем в современной жизни даже они измельчали. Но и в этом виновата женщина. В романе «Этажи» герой сетует на то, что люди семьями не дружат из-за жён, теперь женщины заправляют домом. А в повести «Высокие острова» все женщины – отрицательные образы, мешающие мужчине самоопределиться, достичь успехов и жить по своему усмотрению. Все мужчины чувствуют себя ответственными за происходящее на земле. Таковы Тойбол, Одон, Макар, Охоноон и др. поэтому они обладают свойством анализировать, переживать, принимать решение. Такими свойствами характера в творчестве Н. А. Лугинова из женщин обладает только бабушка Нюргуна из повести «Роща Нуоралджыма». К её слову прислушиваются,

её уважают, как старого мудрого человека. Также могут переживать Ексю («Таас Тумус»), Анна («Танец»). Если даже собака и ворон умеют переживать и сопереживать, то такими качествами писатель обделил своих героинь из повестей «Дом над речкой», «Высокие острова».

Сэргэ – архетипический образ, сохранившийся в памяти не только как продолжатель дел древа мира, но и как олицетворяющий род, семью, дорогу. Все дороги приводят к нему людей, гостей, коней. С. Е. Ноева коновязь считает «трансформированным видом Аал-Луук-мас» [7, с. 54], который является центром сакрального мира. «Во многих культурах центр как ступок сакральной энергии получает воплощение в образах Мировой горы или Мирового древа – точек соприкосновения Неба и Земли; мировой оси как места соединения Неба, Земли и потустороннего мира...» [7, с. 51].

Алас – в современной литературе один из самых распространённых архетипов, олицетворяющий национальное самосознание народа и воспринимающееся, как начало начал. У главного героя романа Софрона Данилова «Пока бьётся сердце», ставшего любимым в народе, фамилия – Аласов. Родоначальник якутской лирики А. И. Софронов-Алампа, вслед за ним также и другие якутские поэты, называли себя «сыном аласа», т. е. сыновьями своего народа.

В родном аласе строится дом, начинается жизнь, из него дороги ведут в большой мир. В аласе якут видит свою малую родину, место своего рождения, но и в целом вся родина концентрируется в образе аласа. «Своеобразие природно-географического явления – аласы – присущи лишь Якутии... Алас – это, по сути, ровная поляна посреди леса, чаще всего кругом окаймлена невысоким нагорьем, с обязательным наличием озера. Тут всё под рукой: поле для выпаса скота, покосный луг, вода для питья, рыба в озере, в ближайшем лесу – обилие всякой дичи и ягод, сухостойный лес для отопления» [5, с. 130]. Аласы якутом были предоставлены не только самой природой, но они, как скотоводы и охотники, сами обжили, освоили и обустроили северный край и его земли под своё хозяйство. Поэтому он так дорог в сознании якутского народа.

Образец архетипов дороги один самых универсальных, древних, как говорится «все дороги ведут в Рим». В нём не заложен конечный результат, потому что Дорога – это движение, процесс, Жизнь. В данном случае все дороги ведут к Сэргэ, автор говорит: «Всё начинается с Сэргэ» [8, с. 163]. (Пер. наш. Т. П.). «Счастье путника – в дороге. Пока есть Сэргэ и дороги, путник вечно молодой, энергичный, ищущий. Когда, наконец, прискачет путник к нему? Должен, только надо ждать и дожидаться...» [8, с. 163]. (Пер. наш. Т. П.).

Таким образом, выявив основные архетипические образы в философских повестях Н. А. Лугинова «Кустук», «Ворон», «Сэргэ», мы пришли к выводу, что архетипы Н. Лугинова отражают своеобразие национального видения мира у автора и утверждаются им общечеловеческие ценности, так как общечеловеческое всегда выявляется в конкретных национальных явлениях.

Библиографический список

1. Эсалнек А. Я. Архетип // Введение в литературоведение. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 30–37.
2. Новиков А. Г. О менталитете саха. – Якутск, 1996. – 146 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М. : Советский писатель, 1988. – 447 с.
4. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Полное собрание сочинений. – Т. 5. – М. : АН СССР, 1954. – С. 7–68.
5. Копырин Н. З. Изобразительные средства якутской литературы. – Якутск : Бичик, 1997. – 174 с.
6. Лугинов Н. А. Пути земные, пути небесные / пер. В. Карпова, П. Краснова, А. Дмитриевой. – Якутск : Бичик, 2007. – 192 с.
7. Ноева С. Е. Поэтика времени и пространства в романах И. М. Гоголева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 119 с.
8. Лугинов Н. А. Кустук: повести (на якут. языке). – Якутск : Бичик, 2003. – 224 с.

© Н. А. Лугинова.
© Т. Н. Пермякова.